

Алексей Бонсуаров

НИЧТО И ГЛУПОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Бонсуаров

Ничто и глупости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48650164

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник рассказов о внутренностях человеческих душ. Содержит нецензурную брань. Не призывает к противозаконным действиям, не пропагандирует социальное превосходство, не пропагандирует инцест и педофилию, не пропагандирует какую-либо ненависть. Все ситуации и персонажи выдуманы. Людям с нестойкой психикой необходимо воздержаться от чтения книги.

Содержание

Ничто	4
Непостижимое	5
Собеседование	7
Клуб безумия	10
Некоторые неприятности	14
Леопольд Васильев	17
Кошечки	18
Кладбищенское искусство	19
Беззащитный	22
Я ем кал	26
Печальное было время	28
Глупости	30

Ничто

цензура

Непостижимое

Пидорас Вадим нервно покуривал сигаретку на семнадцатом этаже бизнес-центра. Его диалог прервала одна можеви-стая дама сорока лет:

– Извините, у вас не будет сигареты?

– Пошла нахуй, падла! Ты сначала деньги зарабатывать научись, чтобы к людям подходить.

Дама отшатнулась в истерическом страхе.

– Я не понимаю! как можно стрелять сигареты в двух тысячах двадцатом году!.. Проблядь ебаная.

Вадим докурил и сбросил окурочок вниз. Тот пал на причёску одного господина. Вадим поскорее выбежал из балкончика в свой кабинетик.

Через мгновение дверь вспотела от напряжённого стука: в неё стучал и насиловал её ударами тот самый господин с окурочком в причёске. Он, естественно, не вынул из волос его, так как иначе нельзя было предъявить обвинение пидорасу Вадиму. Дверь в итоге поддалась.

– Господин человек курящий, я дико извиняюсь, – украдкой начал окурочный мистер, – но вы подкинули мне свинью! и прямо, знаете ли, в волоса... Я требую, извините, не знаю, как вас зовут, чтобы вы извинились и возместили ущерб, причинённый моей причёске (я ведь только из барбер шопа).

– Ты, этакое падло, не гони бочку на честных людей! Ты ведь, оно того, деньгами своими всё щеголяешь (вон – из барбер шопа! видите ли), а я должен перед таким продажным мышем извиняться? Я только харкну тебе в ебало! Тьфу! – и харкнул Вадим.

Мужчина, свесивши голову и честь, присмирив, вышел вон.

Вечером пидорас Вадим словил такси и бегом – в дом. Там поджидала жена и детишки, которых он искренне любил и совсем не был с ними таким же грубым, как с другими, незнакомцами. И считали Вадима пидорасом только другие пидорасы. А уж утро нашло.

Собеседование

Мой друг однажды решил устроиться на работку. Вшивое, конечно, дело, но не умирать же... Пошёл он, значит, в одну фирму, продающую пылесосы. Заходит в кабинет, прежде постучав, и говорит:

– Здравствуйте, я по объявлению, мне работа нужна.

– Здравствуйте-здравствуйте! Скажите...

И тут пошёл разговор. Складно выходило и мой друг даже как-то особенно почувствовал себя в себе, какое не бывало и в родных стенах бессменной квартирки... Ну, значит, подходит диалог к концу, а мой друг уж полон предвкушения, что вот! идёт! на работу с портфельчиком! А в конце месяца – зарплата! Не, ну как же замечательно всё-таки!

В общем, всё – диалог завершился и тут нервы Валдиса (прошу прощения за то, что сразу не представил его имя) ошалели, сдали напрочь. Он весь как-то затрясся изнутри, забегал непонятно, почему, но снаружи виду не подавал, стоял смирно. Вот и попрощаться вздумал интервьюер; вот и Валдис принялся собираться выходить из кабинета, а нервы в это время совсем пошатнулись, деформировав самого Валдиса.

– Ну, до свидания. Приятный вы человек и сотрудник компетентный будете. Да и в целом, знаете ли... Отлично как-то! Спасибо, что именно в нашу фирму пришли устраи-

ваться, – сказал начальник, улыбнулся искренне и уже Валдису оставалось просто уйти. Даже другие какие-то помощники, сотрудники вошли в кабинет, чтобы что-то там подписать, лишив тем самым потенциальной неловкости самый момент прощания.

Но, говорю же, нервничал сильно он! От нервов не туда и пошёл. Открыл, значит, дверь и вошёл. В шкаф. Закрыл дверь за собой. Что тут было! Он, не решившись выйти из шкафа сразу, принялся думать, как извернуться так, чтобы всё оказалось в пределах нормы. Пока думал, время шло, а значит и мысль о том, чтобы выйти из шкафа, становилась всё более неадекватной. Уж совсем застрял там, под своим барьером друг мой. А эти-то стоят, смотрят и знают! что он там-то! Ну не выходить же из шкафа, когда ты там, как глупец, просидел целую минуту! Ну и зажил там Валдис. Да и... как бы это сказать... неплохо жить начал. Калачиком свернётся, ночью обычно такое происходило, накроется начальниковой шалью, уснёт. На утро ест печенье (знаете, такое... трубочкой... которое как раз в щель замочную пролезть может). Откуда печенье? – спросите вы. А начальник перед уходом домой, в конце смены, каждый раз просовывал. Ну не открывать же шкаф с человеком, который туда добровольно вошёл жить. Неловко как-то это!

Начальник право хорошим человеком оказался: сделал дырочку сверху – для воды (воткнул туда воронку и минералочку к валдису поливал, а тот – рот открывал и пил); сделал

дырочку снизу – для человеческих отходов. Так и жили...

Через полгода даже как-то сблизились: начальник, бывало в особенно романтические вечера, когда луна закруглеет, прильнёт к шкафу, улыбнётся и достанет из-за пазухи ручку и бумажку. Сидит, прихихикивает, поглядывает на луну – записочку пишет. Потом сунет в щель и глазки его так загорятся! так засветятся!

К сожалению, через несколько лет здание снесли. Начальник, понурый, совершенно умалишённый, нечеловеческим образом удалился прочь, не захватив шкафчика, не открыв его тоже.

Клуб безумия

В домике напротив вечного магазина жил паренёк шестнадцати лет. Его интересовали оккультные обряды, клубничный морс и вырезки из редкого журнала «Пергамент». В другие дела лезть ему совсем не хотелось, а без своих дел жить даже не мог. Но, правда, был этот паренёк с именем Саша немножко умственно отстранённый, олигофрен. Эта его особенность чаще всего проявлялась в неправильном понимании того, что он узнавал. И делал он далеко идущие выводы, совершенно не задумываясь о том, насколько это вообще возможно и логично.

Однажды Саша прочёл кое-какой рассказ, где подчеркнул для себя некоторые рассуждения об Абсолюте. Загорелся, в общем, Сашка... Он захотел превзойти Творца: вместо того, чтобы пытаться превратиться в Него и, уже будучи Им, попробовать низвергнуться до самого примитивного существа, дабы приблизиться к Ничто, Саша решил, что лучшим решением будет иное – полное безумие. То есть некий выход из рассудка, но без выхода в Ничто, что не под силу примитивному Абсолюту.

... Но как ни старался Саша, всё равно – ничего не выходило. Пил краску, бегал по коридору и по полю, снимал, бывало, тело, скушывал его в ванне, но по итогу – тщетно. Решил тогда Александер записаться в клуб безумия, который

он нашёл в редком журнале «Пергамент». Позвонил:

– Здравствуйте, я бы хотел записаться в клуб... да.

– Здравствуйте, приходите пожалуйста по адресу...

И пришёл.

– Здравствуйте, я бы хотел вступить в ваш клуб... да.

– Прошу, потеряйте сознание и проходите, мистер длинный ус, – сказала морщинистая женщина двадцати одного года.

– Извините, я не совсем понял...

– Это неважно, я пошутила, – снова гаркнула женщина.

– Так, а что...

– Вы, это самое, – опять перебила Сашу эта эфемерная в плане соотношения сущности и тела дама, – снимайте обувь – у нас прибрано.

– Да, конечно, а что, собственно, нужно для безумия сделать?

– Возьмите эту плоть Настеньки и скушайте пожалуйста. Это мы на её шестнадцатилетие сжарили. Эх! Видели бы вы какой праздник закатали!..

Саша опешил и мгновенно побледнел душой; теперь уже хотел парень поскорее убежать и навсегда – до самой смерти (желательно, спокойной) быть в уме и здравии. Но тело не давалось.

– Снимите обувь – говорю же вам, ведь прибрались сегодня только – и тело сбросьте, а то что нам? – снова убираться? – прогорланила женщина и подняла волоса к потолку,

где приколочен был скелет.

Сашка уж совсем тут потерял рассудок и действовал дальше неизвестно самому себе.

– Извините, я передумал. Мне матушка груш сказала кушать, а я тут у вас...

– Груши – это хорошо, но вам придётся скушать ножку.

Александр противился ещё, конечно, но когда вошёл мужчина лет сорока пяти, огромного телосложения, с выпуклым садистским намерением, то тут парень принялся забивать свою внутренность острыми камнями, чтобы не получилось противоречия, ведь некуда было теперь... теперь – надо есть.

Удивило до мурашек парня то, что ему показалось мясо сжаренной девочки самым вкусным в его жизни. Очень испугался удовольствия Сашка, так испугался, как никогда прежде. И заплакал от эмоциональной необычности.

... После съеденного Саша получил предложение полить асфальта. Он согласился. И вот они втроём тёрли язычками, увлажняющимися об мокроту каменных пор (недавно дождило), твёрдость, причмокивая. Прохожие шарахались в стороны.

Дальше ребята полоскали глупости в лесной яме, прихихкивая, сося чупа-чупсы.

– Друзья, а моя майка, я так полагаю, сжалась из-за ледяной водицы. Теперь мне нечего... – сказал мужик, почёсывая внутренность роговицы.

– Ну вот ещё... Майки нам и не нужны... Они сильно смрадно! – ответила ужасно раздражённая женщина.

– А почему же?

– Они сделаны из моей мамы, а она была неотёсанной женщиной...

– Верно говорите, – подхватил поглубевший Саша, – я вот раньше только и делал, что в ванне просиживал дни и вечера. А мои соседи меня полоумным считали за то. Что сказать... глупые люди, ходили, знаете ли, воняли... Жаль, что тогда тело не удалось сбросить или докушать, ведь теперь приходится исхитряться более необычно, чтобы обезуметь.

... Так и было. Они кучерявились, сновали по ложбинкам собственных сознаний, чтобы предотвратить рассудок, ложились в тихую похотливую мысль.

Но постепенность их сгубила и все они просто-напросто переменились в существе, но никак не обезумели.

... Решили принять радикальные меры... Сейчас их можно увидеть в кошковых ушках, заботливых мамочкиных улыбках, трупиках бабочек. Они так и продолжают насмехаться над бытием, но страдают от отсутствия обособленности. Теперь они все лишь Абсолют.

Некоторые неприятности

Интересное время у нас сейчас. Вот, например, Анька вместо того, чтобы работать проституткой, мёрзнувшей каждую зиму на обочине, занимается цивильной и, что самое главное, – денежной профессией – показывает на камеру женские особенности. Её просят за двадцать пять токинов стянуть с груди накидку – делает, за шестьдесят – полностью оголяется и мяукает, за сто пятьдесят – дивно лижет собственные органы...

Как-то раз Аньке задонатили около пятнадцати тысяч токинов одним человеком. Что тут началось! Она, любяще улыбалась, благодарила всеми возможными фразами литературного искусства и спрашивала, что ей за такую небесную сумму надо сделать...

Ей, когда она пришла на квартиру к донатору (по его просьбе, естественно), дали некоторое заданье, заключающееся в ублажении...

... выполнив первую просьбу, Анька направилась вниз по лестнице, вынырнула лисой из подъезда и начала стоять неподвижно, отстранённо, вдыхая осеннее утро, трупную листву, внушая отвращение возвращающимся с ночной смены грузчикам... Трупную листву... да... Но затем последовала вторая просьба, тоже заключающаяся в ублажении, отказать которой было не с руки.

Подъехал затонированный большой автобус с надписью «ритуальные услуги». Мутные мужчины одного вида вынесли худющий светло-коричневый гроб, в котором прилично лежал мёртвый дедушка.

– Соси деду, – кратко, не считая эту просьбу за особенную, проговорил донатер.

Принялась Анька. Никак не получалось у неё... заплакала.

– Что же ты, бестолочь, ревёшь, а? – крайне иронично, с оскаленной ухмылкой сказал донатер. – Ты что ли влюбилась в деда? Понравился он тебе, да?

Анька тем временем захлёбывалась во влажной истерике.

– Ну так полезай к нему – не стесняйся. Давай-давай.

Донатер улыбнулся очень заботливо, прошёлся нежно по волосам девушки и резко добавил, неожиданно упав в неконтролируемую злость:

– Ты, сука, будешь знать, как из интернета вылезать в твоём положении! Шлюха!

Она окаменела, а зрачки развернулись до вселенского масштаба, до всеобъемлющей трагедии.

– Полезай к деду, – без доли сомнения приказал донатер, – там тебе и покой будет.

Отвезли к вырытой ямке, спустили туда гроб, заколоченный золотыми гвоздями, поставили прощальную музыку.

Так и закопали двоих человек: одного трупики и одну живую.

А на поминках донатер плакал больше всех. Только спустя месяц он смог найти новую модель.

Леопольд Васильев

Леопольд Васильев был звездочёт. По пятницам он любил сходить в кинотеатр, а после просмотра фильма оканчивал прогулкой по сонной улице.

Третьего дня (то есть 15 октября) Леопольд закончил считать созвездия галактики, которая была обнаружена как раз после того, как долетел до Сатурна Аурели. 16 октября уже во всю шла работа, связанная с некоторым открытием. И вот вчера (17 октября) произошло всеобщее удивление, как будто вся система человеческого восприятия пошатнулась: оказывается, подобранные ракурсы с двух точек (с Земли и с Сатурна) сложились в единую картинку так, что Директор обсерватории уверенно произнёс на весь мир: «Открылось новое! Наше представление о мире оказалось очень примитивным, ведь теперь найден объект, вероятно планета, являющая собой четырёхмерную фигуру». Это вдохновило всё пространство вчера. И сегодня (18 октября) Леопольд отправлялся нахуй.

Кошечки

цензура

Кладбищенское искусство

В детстве я совершенно не сталкивался с кладбищами. Повзрослев, я заметил некоторую тягу к ним. Там тихо, спокойно, мирно, осмелюсь даже сказать, что как будто это место отличается от других абсолютным блаженством достигнутой цели. Я имею ввиду, что кладбище как бы имеет определённо выполненную когда-то цель и после выполнения цели оно облеклось в новую форму существования, в котором – как же это радостно! – нет конкуренции, пресловутой борьбы для соблюдения баланса.

Я ходил на разные кладбища и как-то они меня не цепляли что ли... Нет. Точнее – они разочаровывали. Мои ожидания не то что не оправдывались, но действительность проходила вскользь и получалось призрачное ощущение, которое нельзя было воспринять даже призрачным и в конце концов чувствовалось следующее: ожидаемое действие происходило, ожидаемый эффект реализовывался в ничто. Короче, я только на одном городском кладбище, в центре города, мог поймать всё, наверное оттого, что оно располагалось в лесу.

Позже я растерял и его. Непонятное чувство. Я хотел очень сильно настоящего кладбища, я бы даже сказал кладбищенского искусства. Я хотел именно чего-то выделяющегося среди призрачного, ненастоящего и всё не мог отыскать. Мне приходило в голову сравнение с Егором Летовым. Но

такого кладбища найти не удавалось.

Спустя года два, уже потаскавшись по многим местам, я впал в глубокое отчаяние. Немного оправившись, хотя это почти не было заметно, решил посетить могилу Егора Летова (уже в который раз) с надеждой, что как-нибудь по-иному предстанет передо мной захоронение. И... как-то не вышло... Кладбище оставалось таким же противно-тривиальным, жалким, лицемерным; и ведь оно обнимало Егора Летова – человека противоположного этому пафосно-никакому кладбищу.

Мне до того стало обидно, что аж детский ком закорчился в глотке и глаза налились свинцовой слезой. Я оглядывался, чтобы найти хоть что-то родственное, но всё очень отторгало. Каждый отдельный объект будто радовался ничтожеству происходящего. Мне стало обидно за себя и вдвойне обидно за мёртвого Летова. Мучительное издевательство нависло над нами. Они все смеялись. А Егор, разложившийся, под тяжестью земли не мог ничего сделать. Это выглядело, как если бы толпа пинала инвалида без рук и ног. Я достаточно труслив и могу ради физического благополучия стерпеть некое моральное унижение (хотя это всё так призрачно; иллюзорность классификации), но во мне всё-таки затвердела определённая грань, напоровшись на которую противник может получить во мне воина, готового умереть совсем за... В общем, сознание мигало красным чувством, подбивающим во что бы то ни стало действовать. Я ещё раз огля-

нулся по разным сторонам и расстегнул ширинку. Взглядом, полным обиды, посмотрел на кроны и на другие безмолвные надгробия, ослабил ремень. Подошёл вплотную к плите, даже, так сказать, взобрался на неё, вынул член. Я стал ссать на могилу Летова. Моча была желта. Я почувствовал победу. Всё умерло, но в уме мелькала необратимая победа. Победа! Я нассал на могилу Летова в знак протеста. И если бы дух Егора смог бы поговорить со мной, то он бы согласился.

Теперь все плебеи, призраки, куклы, и т.д. не смогут более целовать его ментально, целуя физически могилу, претендуя тем самым на протест, на неоспоримую правду... не смогут... Я окончательно схоронил Летова от их пагубных ядовитых губ.

Беззащитный

Вот, как было: Баллончиков Вячеслав Владимирович планировал поездку в одну страну где-то пять или семь лет назад. И поехал, но прежде Баллончиков внимательно изучал нравы, обычаи и вообще всю местность с помощью интернета. Вячеслав Владимирович всегда ответственно подходил ко всяким делам, но без какого-либо занудства. Также любил пошутить над сложной и, казалось бы, дефолтно-непреодолимо-угрюмой ситуацией. Но по приезде ему стало совсем не до шуток. .

Ещё перед отправлением он просматривал, что нельзя делать в опасных районах, в тёмных переулках, в ночных сборищах маргиналов, и находил следующие советы: нельзя смотреть долго в глаза потенциальным преступникам; нельзя оборачиваться на зов в твою сторону; нельзя показывать страх; ни в коем случае нельзя драться, если есть возможность убежать и т.д. Баллончиков внимательно осматривал готические здания ночного ..., когда к нему подошли трое и бережно попросили что-то, скорее всего – закурить. Вячеслав Владимирович наигранно-затворнически что-то бубнул и грозно, огромным и быстрым шагом застучал по теням остроугольных башен, брошенным липкой и одновременно влажной луной. Повезло.

Далее пристала девушка с желанием секса, но Баллончи-

ков быстро залил её баллончиком.

И вроде всё, так сказать, шло, план действий оставался могущественным и лишь недоразуменческая случайность могла прибить Вячеслава Владимировича. Такая и произошла.

Вот он шёл по одной стороне и увидел группу нетрезвых панков – пришлось перейти на другую сторону улицы. Оглянулся на марширующих всё вдаль и вдаль панков, а вернув голову в исходное положение, обнаружил мужчину лет тридцати, худющего, маленького такого, хотя скорее обычного в размерах, но в масштабах восприятия – совершенного ребёнка-подростка, который к тому же был крайне тощ. Он ел банан. Баллончиков, естественно, не ожидал увидеть в такой опасности улиц по виду не самого боеспособного парня, уплетающего бананчик.

– Что смотришь? – грубо начал тот.

– Я... просто... – скромно и грозно-затишающе ответил Вячеслав Владимирович, отвлекая глаза к полу. Хотел было уже уйти, как это прокатывало раньше, но:

– Стоять, – неожиданно-пугающе продолжил негодовать незнакомец. – Ты смотрел на то, как я ем банан больше пяти секунд.

– Да... Ну и что... Я спешу...

– Стоять! Ты явно не местный. Тут так заведено, что ты если смотришь долго на то, как человек мужского пола ест банан, то ты должен посмотреть и на то, как этот же человек

отсасывает тебе хуй. И лучше не спорить с этим правилом, а то порежут.

– Извини?

– Снимай штаны.

– Что? Я не буду!

– Я тебя не спрашиваю! – уж прям крикнул парень, после чего достал нож, заставивший Баллончикова дрожать, но не физически, а нутром, как бы оставляя тело и способность разумно мыслить.

– Стой.

– Что?

Вячеслав Владимирович придумал снова применить баллончик, но мгновенно вспомнил, что по своей невнимательности или расточительству разбрызгал всё содержимое. Теперь деваться было некуда.

– Вставай на колени.

– Вот! Другое дело! – заулыбался незнакомец. – Разумный, здоровый человек попался. Вот и уйдёшь таким же, если глупостей не сделаешь.

– Погоди...

Не успел Баллончиков договорить, как его член поглотило влажное мужское пространство.

Ему, конечно, было страшно за свои чувства в целом; за искреннее удовольствие, полностью противоречащее моральным установкам, в отдельности; за свою призрачность где-то вдалеке себя. Он заплакал. А незнакомец как будто не

замечал совсем ничего и никак на это не отреагировал.

Баллончикову удалось абстрагироваться. И он подбирался к завершению, точнее его вёл паренёк. Забавно, что примерно в этот момент Вячеславу Владимировичу удалось как бы избавиться от непрерывного надзора за самим собой и он смог с головой, без осолопевших глаз окунуться в маньямирок. Ура! Невероятно! И кончил.

– Всё. Свободен. Больше не смотри, сука, как люди бананы едят. Порежут.

– Ладно.

Баллончиков походил ещё немного под механическим воздействием в двух мирах и вскоре, собрав вещи, улетел прочь – на родину.

Я ем кал

Здравствуйте. Меня зовут Жижик Любляна. Я ем кал. Вы спросите, зачем я это делаю, а я отвечу: он всеполезен. Грубые люди могут лишь насмеяться над такими, как я. Ну и ладно. Что мне с них? А вот с кала – профит. Вот я, например, раньше употреблял обычную пищу, но что она – эта обычная пища? Мясо? – это трупное изделие, являющееся деликатесом для людей-животных. Овощи? – грязные сорняки без вкуса. Бобы, орехи? – скромные камни. Кал же – полностью лишён этих глупостей восприятия и совершенен собой во всех аспектах.

Даже если вы непоколебимо зависите от мнения окружающих, то всё равно можно зарабатывать на поглощении полутвёрдых испражнений – в помещении никто не снимает на камеру. Деньги дают сразу же после взятия в рот последнего кусочка, получается, что вы, не дожидаясь ещё, уже берёте их; и тут совершенно не присутствует какой-то строгости или насилия.

Кал для услащения обрызгивают специальным сиропом, а также добавляют самые передовые глютонаты, которые только через какое-то время окажутся на прилавках обычных супермаркетов. Поэтому вкус фекалий превосходит не только ожидания, но и самые ваши небесные мечты о возможном вкусе в принципе.

К тому же, за поедание кала хорошо платят. Зарплата за смену (около двух часов) составляет огромную сумму. Хотя и не принято называть, но вполне можно сказать, что за десять таких смен вы накопите на квартиру.

Жижик Любляна рекомендует есть кал. Это занятие имеет ряд преимуществ перед другими и абсолютно не имеет недостатков. Воплотите желания внутренних чувств, сделайте свою жизнь необычной, возрастите себя над самим собой и стереотипами, станьте, наконец, счастливыми – приходите к нам.

kaloed.com

Печальное было время

Печальное было время: Леонида Геннадьевна тогда рассталась со своими детишками, которые уезжали в другой город учиться; муж её перевёлся на север – справно нести полагающуюся службу по вахте, работать с измерительными приборами. Осталась Леонида Геннадьевна одна. Загрустила женщина. Ну а что? Каждая женщина, наверно, опечалилась, если бы на рубеже сорока лет вот так вдруг, ни с того, ни с сего, повернувшись грубо боком, судьба опрокинула бы её. Ну... ничего теперь не поделаешь... Не возвращать же их всех страдальческим (переходящим во что-то сумасшедшее) стоном.

Благо, женщина заранее позаботилась о воспоминаниях. Да и не просто фотографий на десяток альбомов припасла, а целый сундук с разными вещичками, памятными отметочками, ну и с теми же, конечно, популярными снимочками.

Достала этот сундучок через полгода после отъезда родных и принялась радоваться пыли. Открыла. Сначала невероятно нежно взглянула на фото маленьких детей, потом залезла в свёрточек с волосами годовалого сынишки и слёзы совсем одурманили Леониду Геннадьевну. Заплакала, конечно, от тоски, но позже взяла себя в руки (сильно помог интерес к ностальгии) и продолжила. Взяла сосочку дочки, стала рассматривать. Так повернула голубенький, с белым

кольцом, предмет, этак... и в рот сунула. Прокрутила там, обслюнявила, закатив материнские глазки, и вынула, чтобы приняться уже за другое: начала облизывать пунцовым, пухлым, в меру наваристым язычком по периметру каждой фотографии. После снимочков перешла к давешней шкатулке, подаренной ещё лет двадцать назад бабушкой Агнессой на торжество свадьбы. Там лежали всё те же драгоценности и свиток старинного письма (наверно, от дальних прадедов), сохранившиеся на память о фамильном роде. Леонида Геннадьевна вынула содержимое, повернулась к оливковой шкатулке спиной, взобралась на корточки и стала пукать внутрь. Когда попукала в шкатулку, то положила вещички обратно и закрыла на ключ. Дальше протёрла о под мышки фарфоровые фаллосообразные фужеры, поводила в их глубинностях своим длинным, неприкаянным язычком.

Ну-с, пора, Леонида Геннадьевна, складывайте всё обратно. Она послушно повиновалась и ушла вниз по лестнице — на кухню, где сунула в попу пиццу.

Глупости

Фёдор Сергеевич Набоков шёл по лесу. Потом свернул на улицу...

Когда после вечернего моциона он сел в своё любимое кресло, то сильно задумался, даже не задумался, а впал во вселенную мыслей. Как-то даже запутался там, увяз и долгое время (с часа два) не мог выбраться оттуда. Потом всё-таки вышел; пошёл заваривать чай с плюшками. Некоторое время обычным взглядом смотрел на огонь и незаметно для самого себя возвысился. Стал выдумывать глупости, но как-то всё происходило так, что простые фантазии удавались в реальности. Ну, то есть Фёдор Сергеевич мог как бы действовать своей фантазией за рамками самой фантазии и даже за рамками действительности. Так и покатилося...

Сперва Набоков воспылал любовью к груде камней, валяющихся отбитыми от цельного полотна асфальта. Именно испытал глубочайшее чувство нежности и остро-губительное желание стать с ними одним целым. Но смог перебороть.

Ещё немножко возвысился...

Дальше зардел лицом, когда смотрел на ясный месяц. Возделение изнемогало в его пожилом тельце; Фёдор Сергеевич погрустнел от дальности, разнимающей их бесконечную любовь – жёлто-магического месяца и заморожившегося старичка, – которая могла быть, если бы...

... совсем уж вырос Набоков...

... Передвигался аккуратно, чтобы не проткнуть вселенную, и достаточно осолопевшими глазами наблюдал будущее развитие событий: подкрался к откровенной Земле, набухающей от собственной юности и невозможности контролировать свои желания, притронулся шершавым пальчиком – планета пискнула – и дрогнул во взгляде, низвергнулся во времени, перевалил старость. Бешено задвигался, кряхтя от некоторых болей и от задыхающегося нутра. Стянул брюки, согнулся чуть-чуть в коленях, вошёл. Земля заярчилась голубо-зелёными цветами, раскрылась и пёстро приняла старичка. Его член проминал мякоть её женственности. Планета дрыгалась, постанывала, сопела вулканчиками. Набоков разошёлся и углублялся во весь размер, отчего планета смешивала непостижимо свои известные цвета и превращалась в нечто новое, вертелась. Теперь её географические особенности стёрлись о сексуальное влечение к человеку. Он её ебал... Фёдор Сергеевич разбрызгался по всему пространству. С отяжкой поводит меж глубинных океанских впадин и заправил в брюки, подтянул ремень.

Месиво Земли выглядело похотливо, солнце ярче горело на планетку. Но потом голубой и зелёный встали на свои места. А семя по инерции улетело к Венере.

Набоков опять снизился к собственной квартирке и ахнул: «Батюшки! Выкипел!» Действительно, чайник выпустил пара на всю двухметровую кухню. В скорости старичок по-

пытался приподнять зачем-то крышку и ошпарился раскалённым железом, откинул на стол – крышка захохотала.

Вскоре пил чаёк с плюшками и напевал песенку на охолодевшем ночном балкончике:

«Разрастусь, как славный пир,
Поебу зелёный мир».